

**АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
МАЛЫШЕВ**

НА САЛАНГЕ-РЕКЕ

ИЗБРАННОЕ

Андрей Малышев

На Саланге-реке: Избранное

«Accent Graphics communications»

2015

Мальшев А. В.

На Саланге-реке: Избранное / А. В. Мальшев — «Accent Graphics communications», 2015

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажётся свет.– Ну, куда вы ни свет ни заря, – укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, – спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, работа меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

© Мальшев А. В., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

На Саланге-реке	7
Ефрейтор сушёный	9
Родина	11
Сурок	15
У плотины	16
Ёник	18
Лужа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Малышев На Саланге-реке. Избранное

Моим сыновьям посвящается

Андрей Валентинович Малышев

На Саланге-реке

*Памяти близких: Расторгуевых Вячеслава Ивановича, Анны Кирилловны и Мельничук Агнии Вячеславовны
Посвящается*

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажётся свет.

– Ну, куда вы ни свет ни заря, – укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, – спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, работа меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

С этими словами бабушка вышла из дома, подзывая к себе во дворе овец: – Чака, чака, чака!

– Ну что, орлы-орёлики, – с любовью посмотрел на своих внучков их дед Слава, – хоть и сумерешно ишо, но до Саланги-реки путь неблизкий, собирайтесь, Андрюша, Николаша, впрочем, вам мамани и без меня помогут.

Сёстры Лия и Агния споро и быстро одевали своих сыновей, подготавливая их в дальний рыбацкий поход, перед этим накормив рыбацков и приготовив им бутерброды на дорогу.

– Всё, тятя, одеты, – улыбнулась своему отцу Агния и с любовью погладила сына Колю по его тёмным волосам.

– Ну ты, славнуха, пригожая, – привечал и в самом деле красавицу-дочь её отец, – быстро обрядились, молодцы! А чуни-то, чуни какие баские и знатные у внучков, одно слово – городская обувка, молодцы, девки!

– Спасибо, папа, – с любовью посмотрела на батяню красивая, как испанская цыганка, старшая дочь Лия, – до вечера-то хоть управитесь, мы к ужину ждать вас будем.

– Вернёмся, Лия, не беспокойтесь, – заверил их отец и одёрнул баловавшегося непоседу младшего внука, – счунься, остановись, Николаша, что ты как векша изгиляешься! Зря что-ли тебе седни баял, если будешь варзать – не возьму на Салангу-реку! Смотри, в чулане будешь ночевать, поперешный такой, вместо реки-то, чтобы неповадно было! И зачем ты вчерась соседку вельмой обозвал, какая она тебе ведьма?!

Маленький Никола после замечания дедушки и в самом деле успокоился и перестал шалить.

– Ну а топерича, – испытующе посмотрел на детей дед, – уды и червяков возьмите и айда за мной, и чтобы не стонать и не шебуршать по дороге, хоть и неражая дорожка-то будет. За мной идти как маяка держаться, лесок там небольшой, в нём я как огломызда буду!

И в самом деле, их дед Слава был самым настоящим «огломыздой», то есть по деревенскому языку ну очень высоким человеком, и как только с его ростом он в кузне управлялся! Выйдя с внуками из избы, они пошли по направлению к дедовой бане, что стояла на отшибе деревни за загородой – забором околицы, в аккурат на границе колхозного поля. Идя по поспевающей ржи, любуясь синими-синими, как ясное небо, васильками, «младоотделение» деда уверенно вступило в лес и пошло по лесным тропам, известным только Богу и их деду.

– Вот ты падина, плохая какая, – беззлобно выругался дед, споткнувшись о лесной пенёк, и посмотрел на детей, – осторожней идите, робята, под ноги смотрите, тропинка неражая, плохонькая, да и в лесу сумерешно ишо, сам иду как слепой на перегороду, ничего не вижу.

Да, тропинка и в самом деле была неприметной, и в утренних сумерках идти по ней надо было осторожно. Впрочем, не успев как следует устать, рыбацкое отделение подходило к месту их отдыха и рыбалки. Саланга-река показалась внезапно, стоило лишь закончиться лесу.

Вид её был очарователен и прекрасен: лесная красавица несла свои чистые и прозрачные воды посреди необъятной вологодской тайги. Где-то она была широка, а местами, минуя свои протоки и глубокие ямы-бочаги, превращалась в небольшой мелководный ручей, который весело журча, гнал свои хрустальные студёные воды по выступающим камушкам грунта реки. И в этих местах лесную речушку запросто можно было перейти вброд, нисколько не рискуя при этом.

– Ну как? – спрашивал дедушка у детей, – Баско здесь?

– Да, красиво, – согласились с ним его внучата.

– Вот, робята, – поучал своих внуков дед Слава, показывая им таёжную речку и рассказывая про её рыбацкие секреты, – в этой яме, а здесь шибко глыбоко, шучина агромадная живёт, здесь лучше не купаться, а вон там на малой воде пескариный рай!

Дед, посмотрев на внуков, широко улыбнулся.

– Впрочем, – нарушил недолгую паузу дедушка, – пришли мы сюда не за шукой или пескарями, этого добра и в Сухоне-реке хватает! Ловить мы с вами, братцы, хайрузов станем, знатными хайрузятниками вас сделаю, даже не сомневайтесь, потому как хайрузов и хайрузят здесь немеряно!

Подойдя к мелководному и широкому ручью с быстрым течением и хрустально-чистой водой, старый рыбак забросил свою насадку в беловодье Саланги-реки. Не прошло и минуты, как рыбак подсёк неведомую рыбу и осторожно подведя её к берегу, выбросил её на прибрежные камни. На мелкой гальке прыгала довольно-таки крупная пятнистая, как форель, поблёскивающая на солнце своей чешуёй красивая и гордая рыба, раскрывшая диковинный для детей свой парус-плавник.

Хариус!

– Ну, вот мы и обрыбились, робята! – радостно изрёк их дедушка, весело поглядывая на внуков, – Знатного я хайруза зацепил, теперь и вы попробуйте такого же изловить, зря, что ли уды от самой деревни несли!

Подойдя к берегу искрящегося на солнце ручья-переката, дети обомлели: в чистоте родниковых вод Саланги-реки они заметили множество мелких и крупных хариусов, которые тыкались в камни и грунт реки, разыскивая свой утренний корм, лениво перекатываясь на быстринке ручья.

– Вот это да! – восхитился старший брат Андрияша, посмотрев на младшего, – В воде всё видно, как на ладони!

И действительно, наши юные рыбацки принялись ловить диковинную для них рыбу, наблюдая не сколько за поплавками, а ясно видя, как подходящая рыба брала в рот наживку и заглатывала её. Поэтому никакого труда не составляло удачно подсекать и выбрасывать на берег трепыхающихся на тонкой лесе изловленных красавцев-хариусов.

Да, рыбалка удалась!

Наловив большое количество разновеликих хариусов, которых они видели впервые, братья счастливо переглянулись – рыбалка удалась на славу!

– Слава Богу! – задумчиво посмотрел на небо и перекрестился их старый дед, – Не подвёл Святой, дал порадовать внуков! Ну что, робята, есть Бог на свете, порыбалили мы, топерича пора и честь знать, да домой топать. Молодцы мы с вами, внучата, так и скажем, молодцы!

В небе над счастливо улыбающимися рыбацками, в ответ им улыбалось и светило ласковое солнышко, да где-то за лесом раскинулась широкая радуга, даря надежду, веру и любовь!

Ефрейтор сушёный

*Памяти бабушки Надежды Александровны и дедушки Николая Павловича Мальшевых
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Как-то в городе Грязовец, есть такой городок в Вологодской области, собрались детки поиграть в войнушку. И хотя ворчал их старый дед-фронтовик Коля, смотря как его военную гимнастёрку примеривал на себя один из «командиров» противоборствующего отряда, но особо не мешал, понимая, что есть такая замечательная пора у человека – детство. А раз так, разбившись по отрядам, одна группа детворы из трёх человек пошла прятаться во дворе их дома, а вторая терпеливо ждала и отчитывала минуты до своего выхода на поиск где-то затаившегося «врага».

Короче, «зарница» по-грязовецки!

Выйдя из дома, «командир» отряда, которому надлежало как следует спрятаться, заметил во дворе дома старую двухэтажную сараюшку, куда уверенно повёл своих «бойцов».

– Вы куда, поперешные, уж не в сарайку ли? – встретила вопросом их бабушка Надя, – Ох, вицей вас отхожу, чтоб неповадно было!

– Да, – скромно ответствовали «бойцы» и посмотрев на бабушку, улыбнулись, – но мы не варзаем, просто игра у нас такая, военная!

В самом деле, в руках у ребят грозно поблёскивали игрушечные автоматы.

– Ладно, – с любовью посмотрев на них, махнула рукой бабушка, – играйте, только чур, на второй этаж не смейте лазить, лестница там не ражая, плохонькая, доведена вся, с неё и убиться можно!

– Хорошо, бабушка, – хитро-мудро так, по-заговорчески улыбнулись её внучки и пошли в сарайку, – только ребятам не говори, где мы спрятались!

– Не скажу, не скажу, – засмеялась их бабушка и ушла по своим делам в огород, который находился за сарайкой.

Посмотрев на своих «бойцов» их «командир» не без юмора посмотрел на одного из своих младших братьев, играющего в «зарницу» под своим грозным именем: – Ефрейтор Сушёный!

– М-да, – улыбнулся как довольный котяра его вышеназванный брат, в самом деле весьма сухощавого вида и сложения, – м-да, я здесь!

– Отвечать надо как в армии «Я!» – сухо посмотрел на него «командир», – Слушай боевую задачу: залезай как самый лёгкий на второй этаж, сиди там в засаде. Когда позову, спускайся и нападай на врага сзади. Как позову, значит ко мне!

– Понял, понял, – послушно закивал головой новоиспечённый «ефрейтор», – я как ястреб на них спущусь, мало не покажется!

После чего братьевья попрятались в сарайке, два брата затаились на первом этаже за грудой всевозможных вещей, а на втором этаже спрятался их грозный и беспощадный «боец» – «ефрейтор Сушёный», миновавший таки прогнившую лестницу и с трепетом сжимающий сейчас свой игрушечный автомат.

Дверь сарайки противно скрипнула и внутрь вошли противоборствующие им братья из «вражеского войска».

Зайдя в древнее строение, ребята с любопытством осматривались.

– Руки вверх! – нарушил не долгую паузу «командир» засадного отряда, выпрыгнувший с братом из своего укромного места.

Неприятель опешил.

О, сладостный миг победы!

Наслаждаясь своей победой, «командир» привёл в действие своё основное оружие – засадную «гвардию» в лице спрятавшегося на втором этаже сухощавого младшего брата.

– Ефрейтор Сушёный! – грозно позвал его командир.

– Я! – не менее грозно пискнул в своём ответе «боец» и поспешно спускаясь вниз, надломил обветшалые ступеньки лестницы и с воплем «й-я-а-а!» на заду съехал с лестницы к ногам изумлённых противников.

Смеялись все.

Но громче всех смеялся наш грозный Ефрейтор Сушёный.

Родина (Родом из детства)

Я уже стал забывать, когда это было.

И память всё чаще тербит меня, словно бы спрашивая: а было ли?

Но было, правда, было.

Помнятся рыбацкие зорьки, дышащие медовым разнотравьем заливных лугов, и просиживание на ароматно пахнущих древесной смолой плотках – бонах, тех самых, подогнанных на буксирах по Сухоне-реке к берегу деловитыми речниками на неспешно идущих по чистой воде речными тягачами «РТ», из динамиков которых несло раздольное и гремящее над рекой «Ох, как хорошо-хорошо!».

Помнится, стояли такие плоты и у нас в районе Печаткино нашего небольшого пятидесяти тысячного города Сокол, что на Русском Севере Вологодской области. Стояли эти плоты у самого берега напротив деревянных, по сути, деревенских домиков, смотревших окнами на реку. Между берегом и плотами, как правило, находилось расстояние четыре метра и по брёвнам-мосткам рыбацки, идя в «атаку» на рыбу, штурмовали эту временную, зачастую ненадёжную переправу.

Среди рыбацков своим внешним колоритным видом выделялся пожилой рыбак «Бешеный Серёжа», как его называли рыбаки. Старый инвалид той самой страшной войны, участвовать в которой доводилось многим нашим дедам и близким.

Как-то я спросил его: – Дядь Серёж, а почему вас называют бешеный?

Старый рыбак, пере забрасывая уду, как-то по-своему, блаженно улыбаясь, простодушно изрёк: – Да не я себя так назвал, а соседи-рыбаки, видя, какой клёв у меня бывает – бешеный!

И действительно, на плоту, густо облепленном, словно птичками, рыбаками с удочками, донками и подпусками, клевало в основном у «Бешеного Серёжи», который то и дело выдёргивал довольно-таки крупную и разнообразную рыбёшку из таинственно поблёскивающих вод Сухоны. Другие рыбацки, что соседствовали с ветераном, довольствовались стандартным бесклёвьем, с завистью поглядывая на серебристую рыбку, то и дело снимаемую с крючка старым рыбаком. Чтобы не мешать, я отошёл в сторону и, уединившись, забросил свою удочку в водный прогал между берегом и плотом. К счастью рыбаков «Бешеный Серёжа» освободил своё клёвое место и неожиданно подошёл ко мне, расположившись поблизости. Учитывая, что у меня не клевало, я был рад такому соседству.

– Не помешаю? – обратился ко мне старый рыбак, – Не против моей компании?

– Нет, что вы, – смутился я, – располагайтесь, вон сколько места ещё свободного.

– Спасибо, – коротко поблагодарил меня ветеран и спросил, – как звать-то тебя, паря, величать?

– Андрюха, – робко представился я и отчего-то, по-предательски так, покраснел.

– Да не робей ты, паря, – добродушно улыбнулся «Бешеный Серёжа», явно увидев во мне не только мальчугана, но и собеседника, – давно я подметил, что ты по утрамке со мной по соседству рыбалишь, молодец, хорошее это дело – рыбалка!

– А то! – горделиво согласился с ним я, – Рыбалка поинтереснее чтения Фенимора Купера бывает!

– Согласен, – кивнул мне по-приятельски так пожилой рыболлов и затем, словно бы, спохватился, – постой, паря, вот я с тобой баю, да баю, а ты, чай, голодный, не завтракал небось?

Несмотря на все мои робкие и уважительные отказы, старый рыбак уверенно достал свою нехитрую снедь: несколько бутербродов с колбасой, зелёный лук, варёные яйца да две неболь-

шие бутылочки с каким-то домашним компотом. Поделив по-братски свой завтрак на двоих, мой товарищ по рыбалке уверенно протянул мне мою долю:

– Кушай, паря, а то худющий, как грач! Рыбалка – это работа, не токмо отдых, а коли робишь, то и есть должен.

Взяв предложенный завтрак, я коротко поблагодарил своего старшего товарища.

– А вообще-то, Андрюша, – нарушил недолгую паузу старый рыбак, – правильно делаешь, что рыбалишь! Сам-то я родом с деревни Казариново, что на Сухоне стоит, сейчас там тоже такие же плоты речники гоняют, а рыба там – загляденье! Лещи там крупные, не чета здешним, одно слово – Кубеноозеро рядышком, а там рыбы много! Да и вода там чище, хотя и здесь ещё не так плоха.

С этими словами мой старший наставник зачерпнул в ладони чистую воду матушки Сухоны-реки и с наслаждением испил её всю, до последней капли.

– Да, хороша водица, – улыбнулся ветеран, затем немного помрачнел, – правда вот заводы и комбинаты портят её, но может быть уразумеют люди, что нельзя губить то, что дано нам свыше!

– Дядь Серёж, – не утерпел я, – а в город вы давно перебрались из деревни, и вообще, как она жизнь деревенская?

– После войны, Андрей, – степенно отвечал старый рыбак, – после её, проклятой, и перебрался в город, хотя сейчас жалею об этом. Ну как тебе сказать? Ой, как не хватает мне порой нашей деревенской жизни, ранних утрешних покосов по юной росе, пения ленивых позаутрешних деревенских петухов, запаха русских полей, лугов, лесов, реки и озера, и всего того, что неуловимо, но правильно зовётся Родиной. Понимаю иногда, что снявшись, как птица, со своего гнездовия, утратил я какие-то истоки старой силы, которая во мне была. Хотя, вестимо, сила в другом есть.

При этих словах старик выразительно посмотрел на небо и замолчал.

Стало жарко и июльское солнышко, ласково пригревая, заставило нас снять свои рубашки, словно бы говоря «Позагорайте, ребята!».

Посмотрев на пожилого рыбака, я содрогнулся: по всей его обожжённой и сгоревшей спине ужасными рубцами белели незаживающие раны той самой страшной войны.

Перехватив мой взгляд, старый рыбак печально улыбнулся:

– Не пугайся, паря! На Курской Дуге в танке пришлось гореть, бой был страшным! Когда кончались снаряды, ребята таранили «тигры» и «пантеры», и горели, горели...

Ветеран отвернулся от меня, и мне даже показалось, что одинокая слеза сиротливо блеснула на его щеке. Впрочем, отставной танкист быстро взял себя в руки, стряхнув не прошенную слезинку.

– Помнишь, – заговорил со мной, словно бы преодолевая себя, старый ветеран, – недорассказал тебе, почему уехал из деревни в город, так вот, слушай... Была у меня до войны зазнобушка любимая там, Шурочка... Баская такая, одно слово – красавица! Ох, сживали мы с ней на реке, и дролюшкой единственным она меня называла. Все туманы и рассветы, все утрешние и заутрешние певуны-соловьи, все были наши, уж и в сельсовет заявление подали, чтоб расписаться... А тут она, проклятая... война...

Помолчав немного, старый танкист горестно вздохнул.

– Так получилось, – после недолгого молчания продолжил свой грустный рассказ ветеран, – что после того, как я ушёл на фронт, так и моя Шурочка записалась в медсанбат... Так вот, когда горел я в той самой «тридцатьчетвёрке», после того как «тигр» на таран взяли, смотрю, в кабине всё плавится, всё горит, а ребята из экипажа... Все до единого... Короче, один я из нашего экипажа остался... Вылез из танка, к нашим ползу, а всюду бой! И вдруг, словно бы из ниоткуда, сестричка наша милосердия, меня увидев, сразу же ко мне, укол вко-

лола, бинтами кровь остановила... Посмотрел на неё и радостно содрогнулся: то ж Шурочка моя!

Ветеран посмотрел на меня и улыбнулся, вспоминая: – Обнялись мы с ней, и стала она значит меня на себе вытаскивать, потому что я и ползти-то как следует не мог... И вдруг «ишак» – фашистский реактивный миномёт накрывать нас стал, и Шурочка... короче, накрыла она меня собой, и все осколки, те, что мне предназначались, на себя приняла... Так-то вот, паря... А меня спасли, хотя лучше бы... Вот и не смог я жить без неё в нашей деревне, где всё бы напоминало о ней, так вот в город и перебрался...

Я заметил, как старый рыбацёк достал из своей рыбацкой сумки кусок хлеба и стал подбрасывать его в воду как прикормку рыбам и чайкам, налетевшим на дармовое угощение. Неизвестно откуда к нам прилетел и сел на плоты белоснежный голубь, который воркуя, пел нам свою простую и душевную песню. Выслушав бесхитростную песню белокрылого красавца, старый танкист накормил хлебом и голубя, и счастливо как-то улыбнулся. Тем временем, глянув на удочки, я заметил, что поплавок удочки ветерана неведомая рыба утянула на глубину, впрочем, это заметил и мой старый напарник, который подсёк и вытащил крупного горбатого, явно озёрного, килограммового окуня!

Наша рыбалка продолжилась!

– Скажите, в чём ваш секрет? – не утерпев, спросил я старого рыбака, у меня под носом вытаскивающего на удочку одного за другим крупных подлещиков, – Может червя чем-либо смазываете, или слово какое заговорное знаете?

Старый рыбак хитро улыбнулся в свои усы и бороду, перезабрасывая удочку.

– Хорошо, – нарушил ветеран войны и рыбалки своё недолгое молчание, обращаясь ко мне, – что ты видишь?

Я недоуменно посмотрел на него. Действительно, что я вижу?

Я посмотрел на поплавок, белеющий яркой точкой на зеркальной глади воды, в которой, кажется, отразилось всё: и растущие на берегу плакучие ивы, грациозно целующиеся своими ветвями с неспешно бегущей серебристой водой, и белоснежные облака, и деревенские избы, отражённые в таинственной глади воды.

Что я видел?

– Красоту, – робко и восхищённо ответил я старому рыбаку, – я увидел красоту!

– А что это? – улыбнулся старый рыбак, – как бы это ты иначе назвал?

Взглянув на расходящиеся круги от гуляющей рыбы у моего поплавка, я предположил: – Красивое место, в которое хочется возвращаться вновь и вновь, и которое запомнится навсегда!

– Родина это, парень, – с какой-то нездешней грустинкой дал определение всему тому прекрасному, что я и он сейчас созерцали, – просто родина, твоя земля., место, где ты родился, где род твой. Там, где тебе хорошо, где тебя всегда ждут, где сердце и душа твоя, там и родина твоя!

– Это я понял, – согласился с ветераном я, – а в чём ваш секрет?

У старого рыбака клевало: его поплавок внезапно лёг на поверхность, затем резко ушёл под воду. Точно выверенным движением «везунчик» подсёк рыбу и не торопясь подвёл и достал из воды серебристого килограммового леща!

– В чём секрет, паря? – переспросил меня, довольно улыбаясь, рыбак, – А он прост, вот скажи, а может быть дороже что-либо или кто-либо твоих родителей и даже Родины?

Я засомневался в своём ответе, честно признавшись, что, мол, не знаю. На нашем небольшом заливчике, перегороженном плотами, сверкая на солнце чешуёй, гуляла и плавилась на поверхности воды неведомая рыба.

– А весь секрет мой, – раскрыл-таки свою тайну старый рыбак, – в том, что я Бога поминую и... Родину. Прихожу на реку и прошу: Боже Святой! Помоги мне с рыбкой, и ты матушка-река не подкачай, вот всё у меня и получается! Таков мой секрет, паря, попробуй, не ленись!

Задумчиво посмотрев на старого рыбака и поняв, что он не шутит, я повторил про себя его слова. Не знаю, может и случайно, но в ту же секунду мой поплавок скрылся из виду, плавная подсечка и вот в моих руках играет на солнце серебром и исполняет свой танец долгожданный подлещик!

И пошло, и поехало!

Что ни заброс – поклёвка! Да, секрет старого рыбака работает! Вот уже и полиэтиленовый пакет не вмещает пойманную рыбу, а она всё клюёт и клюёт!

Доставая и сматывая удочку, я со словами благодарности посмотрел на старого ветерана: – Спасибо за секрет, дядя Серёжа, он настоящий, истинный!

– Да я что, ничего, – простодушно улыбнулся в ответ старый рыбак, – пользуйся и запомни: по истине своей никогда не отступай от правды и не соглашайся со злом, иначе кровь Бога святого и на тебе будет, а этого допускать нельзя. Иди, паря, с Богом, иди.

Посмотрев вокруг, словно бы запоминая надолго, навсегда, неброскую красоту родной природы, глядя на зеркальную воду, в которой купалось как-то по-детски солнышко, я обернулся и посмотрел на счастливо улыбающегося старика.

– Да, теперь я понял, что значит Бог и наша... Родина!

Неспешно как-то, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, на небе установилась, даже без капельки дождя, прекрасная радуга, таинственно отразившаяся в зеркальных водах матушки Сухоны-реки.

Сурок

Из воспоминаний детства

Это было весьма давно, около сорока лет назад.

Однажды, возвращаясь с рыбалки, я увидел на земле маленького галчонка.

К нему бесшумно подкрадывался большой дымчатый кот.

А птенец, не видя приближавшейся опасности, прыгал по дороге. Я подошёл к галчонку и увидел, что у него подбита лапка. Галчонок доверчиво заковылял ко мне. Я взял его в руки и понёс домой, по дороге угостив обиженного кота серебристой сорожкой.

Придя домой, поместил кричащего галчонка в просторную клетку. Принёс ему семян, хлеба и воды. Он с жадностью набросился на предложенный корм и склевал его за несколько минут, запивая водой.

Поев, галчонок принялся чистить себе пёрышки.

Затем с заинтересованным видом стал смотреть за хомяком Скрягой, который ползал около клетки, блестя бусинками глаз.

Вскоре Сурок, так я назвал галчонка, требовательно застучал клювом по клетке.

Я открыл её и оттуда вылетел довольный Сурок.

Уселся на подоконник и с интересом стал клевать комнатные цветы. Я едва успел, так как он своим крепким клювом уже повредил один цветок.

Взял птичку в руки. Она стала обиженно клевать мои пальцы, рвалась к цветам в безуспешной попытке завершить удачно начатое дело по уничтожению комнатного цветника.

Пришлось перенести Сурка в другую комнату, явно не изобилующую цветами. После чего я вышел из комнаты. Вернувшись к своему питомцу, увидел, что Сурок сидит на клетке с попугаями и довольно каркает.

... Так прошло несколько месяцев.

Сурок стал почти ручной птицей. Незаметно пролетела зима. Наступила весна.

Однажды, выпустив Сурка полетать, я засиделся на балконе. Вдруг рядом со мной пролетела большая стая галок. От неё отделился Сурок и сел на балкон. Потом впорхнул в комнату к своей клетке.

Я понимал, что ему не вечно жить в клетке, и сделал ему на чердаке удобное гнездо. Галчонок вскоре перелетел туда с галчихой, которая недоумённо смотрела, как я глажу его рукой по серой головке.

Летом у Сурка появились птенцы.

Сурок с галчихой неустанно летали, чтобы добыть им пищу. Мы тоже помогали: подкладывали хлеб, семена.

Так наступил август. Птенцы выросли и улетели. И Сурок тоже, перед этим залетев попрощаться на балкон.

Больше я Сурка не видел, но память о нём осталась до сих пор.

Спасибо тебе, Сурок.

У ПЛОТИНЫ

Из воспоминаний юности

Над величавой Сухоной-рекой разнёсся пароходный гудок.

Теплоход «Лермонтов», пеня воду, на самом малом, приставал левым бортом к пристани-барже, что стояла на речном мелководье.

Золотые лучики солнца весело заиграли на вывеске, прибитой к барже.

– Ше-ра, – по слогам прочитал, стоявший рядом, мальчуган лет шести-семи.

– Наконец-то приехали, – облегчённо вздыхаю я, и оторвав одну руку от удилиц, хватаюсь за поручень, так как в этот момент теплоход трётся о стенки пристани. И в этом трении чудится мне нечто змеиное, словно две огромные змеи сошлись в бешеном танце.

Рядом со мной какой-то толстенький дядя в белой панаме. Он укоризненно смотрит на меня и прокурорским тоном изрекает: «Ведь шестнадцатый наверняка тебе пошёл и в такие-то годы на рыбалку идёшь? Посмотри, ты на всём теплоходе один с удочками!»

Но это неправда.

То тут, то там копиями высятся удилица, их много, даже очень много.

– Ты только посмотри, какой день сегодня, – не отстаёт порядком надоевший мне дядя, – я бы в твои годы...

Но мне не удалось узнать, что делал бы он в мои годы, этот пожилой приличный мужчина.

С пристани на теплоход сбросили трап и увлекаемый потоком людей, я вскоре стоял на каменистом берегу, робко поросшем зелёной травой.

А день был действительно хорош: летнее солнце высоко стояло в зените, и довольно жарко припекало. Над моей головой таинственно шумели деревья, и разбуженная лёгким июньским ветром, тихонько, чуть слышно, перешептывалась трава, а рядом с плотиной глухо шумели воды величественной красавицы Сухоны.

Сухо́на в этом месте особенно широко разлилась, и с небольшого возвышения, где я стоял, мне было видно всё: и белоснежные облака, отражённые в воде, низко и неспешно плывущие над рекой, и пенные барашки завихрений и волн от работающей плотины, несущиеся по зеркальной глади воды, десяток легковых машин на том берегу, и даже рыбку, серебром сверкающую, на удочке рыбака.

Подхожу поближе к воде, скидываю рюкзак и снаряжаю удочку, потом подхожу к бешено несущейся воде и плавно закидываю. Насадку мгновенно сносит, я иду вслед за ней по берегу. Тем временем поплавок теряется в сгустке пены, но вот снова выплывает, и, вдруг, с размаху ныряет под воду. Плавно подсекаю и в ту же минуту каждой клеточкой своего тела чувствую неистовые рывки рыбы.

Коротким рывком выдёргиваю рыбу из воды, и вот свой танец исполняет крупный горбатый окунь, ударяя ярко-красным хвостом по каменистому берегу.

Приподнимаю его на лёске, вынимаю крючок, и налив воды в котелок, который по своим размерам, мог бы поспорить с любым предметом, отпускаю окуня в котелок.

Пускай плещется.

Подхожу вновь к воде и через минуту ташу упирающегося язя, весом около килограмма.

И пошло, и поехало, что ни заброс – поклёвка!

Через час-два котелок не вмещал пойманную рыбу.

Среди пойманных рыб были окуни, судачки, подъязки, подлещики и, конечно, всегда-таки любого водоёма – ерши!

Незаметно пролетело время ловли, пора домой.

Посмотрев на воду, я увидел бисеринки дождя, которые превратились уже через полчаса в настоящий ливень.

Подходя к городу на том же самом теплоходе «Лермонтов», и видя издали заводские трубы родного Сокола, я подумал: «Вот было бы хорошо, если у нас в городской черте такая ловля была!»

И с грустью посмотрел на промышленные стоки целлюлозно-бумажного завода, выбрасывающего в реку зеленовато-мутную грязь.

Ничего не изменилось.

Всё шло по-старому.

Над водой летала серая чайка и удивлённо смотрела на грязь, плывущую по реке.

Ёник

Как-то летним вечером собрались два братана по младости своей на ночную рыбалку на речку, что несла свои животворящие воды неподалёку от их деревенского дома. Взяли с собой удочки, палатку, большущий котелок под рыбу, в общем, много чего взяли. Придя на реку, по первянке закинули братаны свои уды в реку, поставили палатку и стали ждать клёва.

Но что-то не заладилось у них с рыбалкой. Клёв, как говорится, отсутствовал напрочь. А коли так, то пошли наши братаны по лесу прогуляться да заодно дровишек для ночного костра заготовить. Вовсе даже недалеко отошли они от реки, как услышали какой-то шорох и шепуршание на земле. Присмотревшись, заметили они в траве двух молодых маленьких ежей. Один, что попроворнее был, спрятаться от них успел, а другого они поймали. Назвали они, значит, пойманного колючего пленника Ёником, а сбежавшего Ёшкой, по аналогии с известным мультфильмом.

Взять хотели они Ёника с собой, но посмотрев на его умильную мордашку, жалостливо поблёскивающие бусинки чёрных глаз, сжалились и отпустили ежа под небольшую мохнатую ель.

И что вы думаете?!

Минуты не прошло, как к отпущенному на свободу Ёнику, подползла поющая свою какую-то бурчащую ежинную песню, Ёшка. Встретившись, ежи радостно соприкоснулись своими колючками и оживлённо поползли по своим лесным владениям.

Вернувшись к своим удочкам братовёв ожидал сюрприз в виде клюнувших на их насадки пары приличных язят!

Да, их рыбалка продолжалась!

Над рекой пели свои вечерние песни соловьи, а где-то в лесу, в траве копошились и пели свои негромкие скрипящие мелодии маленькие ёжики.

Лужа

Ох и красива Кубена-река в лучах алого рассвета!

Северная вологодская красавица не торопясь несла свои чистые родниковые воды, играя на мелководье порогами пенных завихрений и брызг, образуя на спокойных глубинных местах ямы и омуты, в которых скапливалась не потревоженная никем рыба.

Да, хорошо в мае на реке!

По пересохшему заливному лугу, робко поросшему юной травой, пахнущей цветущим нектарным разнотравьем, шли с лёгкими самодельными удочками в руках юные мальчуганы Петя, Гриша и Вася, осторожно перешагивая небольшие лужи, оставшиеся от большой отступившей воды, ибо нерестовое половодье закончилось, и река вернулась в свои берега. Облавливая самые интересные места, наши рыболовы шли по направлению к их дачному посёлку, угадываемому по пению утренних петухов, разросшемуся до невиданных размеров из маленькой деревушки Пахино. То, что у наших рыбачков лов, мягко говоря, не задался, было видно по их пустым полиэтиленовым пакетам, трепыхавшимся на ветру в руках у детей. Надеясь поймать что-нибудь хотя бы на радость кошкам, они периодически останавливались и забрасывали свои удочки в наиболее красивых и заманчивых местах.

– Да-а-а, – авторитетно произнёс самый старший из мальчуганов десятилетний Петя, и скептически посмотрел на их пакеты под так и не пойманную рыбу, – правильно мне дед говорил, что после нереста на удочку хоть обловись – ничего не поймаешь!

– И то, правда, – поддержал его Гриша и покосился на поплавок, который не торопясь двигался вместе в речным течением, – за всё утро ни одной поклёвки.

– Что им только надо, этим рыбам? – посмотрел на ребят рыжеволосый конопатый Васёк, – и червей им предлагали, и бабочек, и стрекоз, – ничего! Не берёт и всё!

– Взрослых надо слушать! – засмеялся Петя и предложил, – Всё, ребята, находился я, ноги уже гудят, сматываем удочки!

– Вся-то правда, давно пора, – поддержали его друзья, и смотав удочки дети пошли вдоль реки к их дачному посёлку.

Пройдя где-то метров сто, они наткнулись на речной кустарник, буйно росший на самом берегу реки. Ранним утром наши рыбачки обошли его стороной, а сейчас ими овладело какое-то любопытство и, продираясь через молодые ветви приречных кустов, наши ребята неожиданно для себя обнаружили у самой реки, буквально в паре метров от берега, большую и широкую лужу, глубиной не более сорока сантиметров. Было видно, что эта лужа, оставленная после нерестового половодья, стремительно мелела и обсыхала. Решив форсировать данное водное препятствие, ребята разулись и стали переходить по мягкому песку эту небольшую водную преграду. Вдруг Васёк испуганно ойкнул: его ног коснулась проплывающая рядом с ним неведомая рыба. Присмотревшись повнимательнее к луже, ребята изумлённо застыли на месте, как они раньше не заметили этого: вся лужа, потревоженная их присутствием, буквально закипела и ожила от множества маленьких и крупных рыб, которые выскакивая на поверхность, плюхались обратно в воду этого мини-водоёма. Очевидно, что вся эта рыба осталась здесь именно после нерестового половодья и разлива реки. Над этой лужей грозно летали современные гидротороны – чайки, слетевшиеся на лёгкую добычу.

А рыбы здесь хватало: кроме невероятного множества мальков, воду рассекали солидные лещи и щуки, показывая на поверхности воды свои большие тёмные плавники и хвосты.

– Вот это да! – произнёс потрясённый Васёк, поймав руками большую пятнистую щуку, и не удержав, уронил её обратно в воду, – Вот это подвезло нам, столько рыбы здесь!

Внезапно мальчишкам стало жаль рыбу, то и дело всплывавшую на поверхность боком и жадно глотавшую чужеродный воздух в стремительно обсыхающей у них на глазах большой луже.

Приняв своё решение, ребята положили свои удочки на землю, и вошли в тёплую, как парное молоко, воду, и стали с азартом ловить руками лещей и щук. После чего бережно как малых детей, спасённую рыбу передавали в объятия реки, которая благодарно принимала своих питомцев. Лещи и щуки, глотнув свежей кубенской водицы, искрясь на солнце серебром своей чешуи, радостно уходили на глубину.

– Стойте, ребята, – остановил своих друзей рыжий Васёк, – всех так не спасти, есть у меня одна мыслишка, подождите меня здесь, я мигом!

Так ничего и не объяснив своим приятелям, Василий убежал в сторону их так разросшейся дачной деревни.

– Что он придумал? – недоумённо посмотрел на Гришу Петя, – Рыбу надо спасать, а он в деревню побёг! Да и что можно сделать, даже если бредень принести, всё равно всю рыбу не выловить. А малёк?! Куда деть его, вон, сколько его плавает, никакой бредень его не возьмёт.

Рыбью мелочь, как впрочем, и рыб покрупнее, было и в самом деле жаль. Не теряя времени, наши герои продолжили свою важную и нужную работу по спасению рыбы, вынося из плена-ловушки лужи наиболее крупных рыб.

– Что, заждались! – от титанических усилий по спасению разнорыбицы ребят отвлёк появившийся внезапно их друган Василий, в руках которого были три небольших лопаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.